

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІ.

1894.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Багашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	15
— Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей	66
А. А. Дмитріевъ. Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири (окончаніе)	243
А. Н. Веселовскій. Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности	287
Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе)	319
И. Н. Ждановъ. Василий Вуслаевичъ и Волкъ Воеславъевичъ (продолженіе)	369

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Слѣды народной Библии въ славянской и древнерусской письменности. Изслѣдованіе В. Мочульскаго. Одесса. 1893	413
С. Ө. Ольденбургъ. Смерть въ представленіи современныхъ бретонцевъ	427
А. Л. Липовскій. <i>K. Jireček. Posolství republiky dubrovnické k císařovně Kateřině II v l. 1774—1775. V Praze. 1893</i>	442
— Книжныя новосты	445
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ)	9

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Отчетъ о состояніи О.-Петербургскихъ вышнихъ женскихъ курсовъ за 1892—1893 годъ	93
Е. П. Ковалевскій. Народное образованіе на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго (окончаніе)	110

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. И. Ростовцевъ. Оновѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ (окончаніе)	65
Н. Н. Платонова. „Риторика“ Аристотеля (продолженіе)	102

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	33
--	----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го февраля).

ГЕТЕРИЗМЪ, ПОБРАТИМСТВО И КУМОВСТВО ВЪ КУПАЛЬСКОЙ ОБЯДНОСТИ.

(Хронологическія гипотезы).

I.

Періоды лѣтняго солнцестоянія, когда жизненные силы природы видимо въ полномъ разцвѣтѣ, а уже склоняются къ смерти, могли вызвать на одной изъ простѣйшихъ стадій религіознаго сознанія одни и тѣ же представленія и сходную обрядность: образы смерти и сѣтованія, усиленное чествованіе всего жизненнаго, продуктивнаго, что грозило изсякнуть вмѣстѣ съ начинавшимъ дряхлѣть солнцемъ. Купальскіе огни символически поддерживаютъ его гаснущую силу; эротизмъ купальской обрядности отвѣтилъ тому же наивному взгляду.

Въ основѣ этихъ „голичныхъ“ представленій лежитъ ежедневное наблюденіе смѣны свѣта и мрака; въ результатъ — мировой мифъ, приурочившій къ началу и концу исторіи роковыя противорѣчія, обобщенныя изъ простѣйшихъ наблюденій дня и года. За чертой этого натуралистическаго мифа могли находиться бытовые отношенія, которыя мифъ выразилъ и прикрылъ своимъ символизмомъ; къ концу развитія относится христіанскія воздѣйствія и усвоенія.

Эти общія точки зрѣнія на содержаніе и значеніе купальской обрядности¹⁾ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы не увлечься въ частныя, областныя толкованія какой-нибудь бытовой черты или суевѣрія, получающаго смыслъ лишь на почвѣ болѣе широкаго сравненія.

¹⁾ О ней сл. *Hillebrandt*, Die Sonnwendfeste in Alt-Indien. Erlangen und Leipzig, 1869. См. еще *Henri Gaidos*, Le Dieu Gaulois du soleil et le symbolisme de la roue. Leroux 1886 г.

Такъ, напримѣръ, Треде ¹⁾ утверждаетъ, что церковь перенесла праздникъ Ивана Крестителя на 24-е іюня, съ цѣлью устранить языческій обиходъ, совпадавшій съ поворотомъ солнца, но что въ Италіи это ей будто бы не удалось, ибо на то же число падало въ Римѣ народное чествованіе: Fors-Fortuna, что и отразилось въ италіанской Ивановской обрядности элементомъ — гаданій о судьбѣ. Значеніе этого вывода ослабляется существованіемъ того же элемента въ славянскихъ, финскихъ, латышскихъ, нѣмецкихъ, греческихъ, армянскихъ, абхазскихъ ²⁾, испанскихъ и италіанскихъ купальскихъ обычаяхъ, устраняющихъ специальное вліяніе Fors-Fortuna. Въ Греціи, напримѣръ, Ивановъ день — день гаданій (κλήδονας):

Κληδώνετε τὸν κλήδονα μὲ τ' αἰ-Γιαννοῦ τῇ χάρι....

'Ανοίξετε τὸν κλήδονα 'στ' αἰ-Γιαννοῦ τῇ χάρι,

поютъ дѣвушки, гадая о судьбѣ, о женихѣ ³⁾.

Важнѣе другой вопросъ, уже не разъ представлявшійся мнѣ въ теченіе моихъ работъ надъ христіанской или христіански окрашенной легендой и обрядомъ. Въ приложеніи къ купальскимъ обрядамъ этотъ вопросъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: на сколько надъ нихъ праевропейскимъ субстратомъ возможно обособить еще нѣчто общее, уже христіанизованное, указывающее на вѣроятность распространенія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ представленій и формулъ если не церковнымъ путемъ, то по стезямъ церковнаго вліянія? Теоретически можно представить себѣ, напримѣръ, что извѣстная языческая обрядность перешла гдѣ нибудь на имя Іоанна Крестителя и въ этомъ соединеніи районировала далѣе, что и объяснило бы ея совпаденіе въ разныхъ областяхъ христіанскаго фольклора. Разумѣется, можно попытаться объяснить это совпаденіе и другимъ путемъ: сходствомъ формъ языческаго культа не только въ идеѣ и общихъ чертаніяхъ, но и въ подробностяхъ, при чемъ сходство привзошедшихъ въ него христіанскихъ элементовъ было бы лишь слѣдствіемъ совершившагося повсюду самостоятельнаго ихъ приуроченія.

Для рѣшенія такого шаткаго вопроса не достаетъ еще многихъ данныхъ. Укажу пока на одинъ изъ многихъ дезидератъ. Христіан-

¹⁾ *Trede*, Das Heidenthum in der römischen Kirche, т. IV, стр. 269.

²⁾ Сл. *Дубровина*, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. 2-я, стр. 26.

³⁾ *Thumb*, Zur griechischen Volkskunde, III Der Klidonas, *Zs. des Vereins f. Volkskunde*, II, стр. 392 слѣд. Сл. La notte di san Giovanni in Oriente у *Pitrè*, *Archivio* VII, стр. 128 слѣд.

скія святыни основывались нерѣдко на мѣстѣ языческихъ, иногда случайно, безъ внутренняго соотвѣтствія между старымъ и новымъ объектомъ культа, иногда при встрѣчныхъ теченіяхъ ихъ содержанія. Гдѣ ихъ не было, тамъ могло явиться позднѣе вліяніе стараго на новое, и христіанская легенда могла испытать воздѣйствіе мѣстныхъ, болѣе древнихъ. Предположимъ, что такая христіанская святыня оказываетъ не мѣстное только вліяніе, и мы можемъ быть увѣрены, что по его слѣдамъ распространятся воззрѣнія и обряды, безсознательно осложненные язычествомъ. Такіе вопросы почти не затронуты; мы спрашиваемъ себя: почему Григорій Просвѣтитель обратилъ въ церковь Іоанна Крестителя храмъ богини любви и производительности Анагиты? Если поклоненіе ей, въ формахъ Меп или Ма перешло въ христіанскую пору къ культу Маріи¹⁾, то мы получимъ комбинацію именъ Івана и Маріи, знакомую нашимъ купальскимъ пѣснямъ. Или: почему въ Абруццахъ церковь св. Іоанна Предтечи названа in Venere? Мѣстное преданіе отвѣтило на это образно: будто царица Венера основала ее въ память своего избавленія отъ бури заступничествомъ святаго, къ которому она обратилась²⁾. Но это, очевидно, не генетическое объясненіе.

Какъ бы ни рѣшился вопросъ, схема языческаго обряда съ точки зрѣнія натуралистическаго міа была бы слѣдующая: лѣто идетъ на уронъ, умираетъ, убить юный богъ, выражающій, производительную мощь природы, и его оплакиваетъ любившая его богиня; женщины сѣтуютъ надъ его тѣломъ, и сѣтованія перемежаются эротическими мотивами; ихъ значеніе, можетъ быть, то же, что и купальскихъ огней: страстный призывъ къ жизни и теплу, удалившимся со смертью бога.

Небольшая замѣтка г-жи Эрсиліи Казтани Лователли о празднествахъ Адониса и сходныхъ съ ними сардинскихъ обрядахъ даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ сообщеніямъ, дополняющимъ сопоставленія Маннгардта³⁾.

¹⁾ Разысканія, № 2. стр. 64.

²⁾ *Finamore*, *Credenze, usi e costumi abruzzesi*, стр. 160.

³⁾ *Ersilia Castani Lovatelli*, I giardini di Adone, въ *Nuova Antologia* 1892, 16 Luglio; *Mannhardt*, Wald-und Feldkulte II, стр. 278 слѣд. О культѣ Адониса сл. *Greve*, De Adonide (Lipsiae. 1877) и *Roscher*, Ausführliches Lexikon d. griech. u. röm. Mythologie, а. v. Adonis. На параллеляхъ Tammûz — Adonis (*Leibrecht*, Zur Volkskunde, стр. 251 слѣд.) и друг. я здѣсь не останавливаюсь; на аналогіи съ Адоніемъ указывалъ уже *Ефименко*: О Яригѣ, языческомъ божествѣ русскихъ славянъ въ *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи*, т. 2. стр. 88; сл. тамъ же замѣтку *О. Миллера*, стр. 112—114.

Сиро-финикійскій культъ Адониса распространился изъ Азии, гдѣ его главными центрами были Виблосъ, Антиохія и др., въ Кипръ и Грецію, Египетъ и Римъ. Мнѣ представлялъ его сыномъ сирійца Тіанта или Киниры, основателя Пафоса на Кипрѣ, который прижилъ его, самъ не зная того, съ своей дочерью Смирной или Миррой, воспылавшей къ нему, по волѣ Афродиты, нечистою любовью. Боги обратили ее въ дерево (мирру); отъ него и родился Адонисъ, прекрасный юноша, котораго любить Афродита. Но любовь эта не долговѣчна: Адонисъ погибъ, охотясь въ горахъ Ливана, сраженный вепремъ, и сомненная ему рѣка у Виблоса окрасилась его кровью; всякій разъ въ пору наступленія его праздника то же явленіе повторялось; голова изъ древесной коры, очевидно, изображавшая голову Адониса, которую въ праздникъ Адоній опускали въ море жители Александріи, черезъ недѣлю приставала къ Виблосу (Luc. De Dea Syr. 7, стр. 455 ed. *Jacobitis*); по другимъ свидѣтельствамъ (Cyrill. Comm. in Jesaiam c. 18, Просор. изъ Газы, Comm. in Jes. 18) александрійскія жены отправляли такимъ же путемъ сосудъ съ посланіемъ въ Виблосъ, извѣщавшимъ, что Адониса нашли. Афродита дѣйствительно искала и обрѣла его тѣло; онъ возвращался, оживалъ; споръ Афродиты съ Персефоной, рѣшенный Зевсомъ въ томъ смыслѣ, что Адонисъ будетъ поочередно принадлежать то одной, то другой изъ нихъ, указываетъ на основы мифа объ умирающемъ и обновляющемся богѣ.

„Адоніи“ отбывались осенью (въ Антиохіи и Александріи) и весною (въ Виблосѣ, Афинахъ), можетъ быть, и лѣтомъ (въ іюнѣ). Весною Адонисъ оживалъ, и мы можемъ конструировать послѣдовательность обряда: онъ начинался съ сѣтованія надъ погибшимъ и переходилъ въ ликованіе надъ воскресшимъ; въ осеннемъ или лѣтнемъ обиходѣ, отвѣчавшемъ нашему купальскому, оба момента сдвигались въ обратномъ порядкѣ, но символика была та-же. Участниками обряда были женщины, позднѣе, главнымъ образомъ, гетеры; онѣ искали погибшаго Адониса и находили его. Фигура юнаго бога, Ἀδώνιον, сдѣланная изъ дерева, воска или терракоты и нерѣдко окрашенная въ красный цвѣтъ (оттуда его названіе *χοράλλιον*), покоилась на ложѣ, рядомъ съ изображеніемъ Афродиты; вокругъ него деревья въ плодахъ и сосуды или корзины съ засѣянными въ нихъ обрядовыми растеніями: укропомъ, ячменемъ, пшеницей, мальвой и традиціоннымъ латукомъ, игравшимъ роль въ мифѣ: разказывали, что вепрь убилъ Адониса на кустѣ латука, либо что Венера спрятала въ немъ любя-

маго юношу, либо возложила тѣло убитого на латукѣ, *veschov brōma*. Эти искусственные садики, „сады Адониса“, *Ἀδωνιδος κήποι*, которые и звались *ἐκτάφιοι*, были необходимой принадлежностью обряда; подборъ растений, быстро поднимающихся и столь же быстро отцвѣтающихъ, отвѣчалъ смыслу праздника. Женщины оплакивали умершаго бога, голосили надъ нимъ подъ звуки флейтъ и причитали адоніазмы (*ἄδωνιασμοί*). Приношенія состояли изъ фигурокъ птицъ и животныхъ, сдѣланныхъ изъ тѣста и меда; въ Библосѣ женщины обрѣзывали свои косы нъ знакъ траура; это была и жертва богу и знакъ зависимости и служения; но эта жертва замѣнялась и другой, столь же знаменательной: въ теченіе цѣлаго дня женщины отдавались въ храмъ всякому приходящему, и плата, которую онѣ за это принимали, приносилась въ храмъ Афродиты. Тотъ же обычай существовалъ, по всей вѣроятности, и въ Пафосѣ и на Кипрѣ. Вверженіемъ въ воду изображенія Адониса и его садиковъ кончалась (въ Александріи) печальная часть обряда, послѣ чего раздавались радостные клики: Живъ Адонисъ, вознесся на небо!

II.

Подобное же соединеніе похоронныхъ и эротическихъ мотивовъ встрѣтимъ мы и на почвѣ европейской Ивановской обрядности; глѣнія Адоніа совпадали съ нею хронологически и вызываютъ къ сравненію. Привлеченіе въ нашъ купальскій циклъ (24-го іюня) воспоминанія о смерти Ивана Крестителя (29-го августа) ¹⁾ совершилось на почвѣ болѣе древнихъ до-христіанскихъ представленій, гдѣ уже соединились образы жизни и смерти.

Начнемъ съ сардинскаго обычая, носящаго названіе „Ивановскаго кумовства“ (*Comparatico di S. Giovanni*) ²⁾. Въ концѣ марта или началѣ апрѣля какой нибудь крестьянинъ предлагаетъ сосѣдкѣ, не согласится ли она въ теченіе слѣдующаго года быть ему кумой. Въ

¹⁾ См. Разысканія, № XVI, стр. 306.

²⁾ О кумовствѣ въ народныхъ итальянскихъ обычаяхъ см. *Pitrè*, Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, v. XII, стр. 288 слѣд.; v. XV, стр. 64, 158, 255, слѣд.; сл. его же въ отдѣлѣ: *Spettacoli e feste*, стр. 316; *Fiabe e leggende* № XLV; *De Nino*, *Usi Abruzzesi* I стр. 17 слѣд., 48 слѣд.; IV, стр. 83 слѣд.; *Dorsa*, *La Tradizione*, 2-е изд., стр. 55 — 8; *Bresciani*, *Dei costumi di Sardegna*. Napoli, 1850 стр. 269; *Marcoaldi*, *Le usanze*, стр. 56; *Bernoni*, *Leggende fantastiche popolari veneziane*, №№ 1—3; *Ferraro*, *Canti Monferrini*, № 5.

случаѣ согласія, она тотчасъ-же принимается за дѣло: дѣлаетъ изъ коры пробковаго дерева (*sughero*) родъ сосуда и наполняетъ его землею, которую засѣваетъ пшеницей. Къ Иванову дню зелень густо поднимается; тогда сосудъ получаетъ названіе *егте* или *пеннері*. Въ день праздника будущій кумъ и кума отправляются, сопровождаемые веселой толпой мальчиковъ и дѣвочекъ, въ церковь и, не дойдя до нея, бросаютъ сосудъ въ двери церкви такъ, чтобы онъ разбился. Затѣмъ садятся кружкомъ и ѣдятъ яичницу съ зеленью, при чемъ одинъ кубокъ съ виномъ переходитъ изъ рукъ въ руки, и скрипка (*lionedda*) играетъ веселые мотивы. Послѣ этого встаютъ и взявшись за руки, медленно движутся, повторяя на распѣвъ: Кумъ и кума во имя св. Ивана (*сопраге е сопраге ді Санъ Джованни*). Обрядъ кончается поздно въ ночь пляской въ хороводѣ.—Нѣкоторыя подробности под-сказываетъ обычай въ другой мѣстности Сардиніи (*Ozieri*): здѣсь въ навечеріе Иванова дня дѣвушки выставляютъ на окнѣ традиціонный *егте*, украшенный шелковыми тканями и лентами, флагами и свѣчами. Въ былое время существовалъ обычай, отиѣненный церковью, ставить на вершинѣ сосуда чучело, одѣтое въ женское платье. Сардинское *егте* отвѣчаетъ „садамъ Адониса“, чучело, очевидно, изображенію бога, простертаго на ложѣ; „кумовство“ замѣнило, по всей вѣроятности, другія болѣе реальныя черты натуралистическаго культа. Все это подтверждается купальскими обрядами Сициліи, въ которыхъ мы встрѣтимъ и блѣдное отраженіе *егте*.

Въ Сициліи св. Иванъ считается покровителемъ кумовства, святость котораго выше кровныхъ узъ. *San Giovanni* тамъ то же, что „кумъ“ вообще, одно имя идетъ за другое. Кумовство понимается въ церковномъ смыслѣ: кумовство при крещеніи и по браку, ибо дружка жениха (*сопрагі d'apeddu*) считается кумомъ и бываетъ обыкновенно и крестнымъ отцемъ перваго ребенка; но существуетъ и особое народное кумовство. Кумуются съ отроческихъ лѣтъ, 24-го іюня, въ день св. Ивана Крестителя, котораго народъ наивно смѣшиваетъ съ другими сомненными святыми, призывая для отвращенія грозы Ивана Крестителя, Іоанна Евангелиста и Златоустаго ¹⁾. Обрядъ кумовства

¹⁾ Іоанну Крестителю молятся противъ грозы въ Сициліи (*Pitrè, Archivio XI, стр. 55*): вѣроятно, смѣшеніе Іоанна Крестителя (24-го іюня) съ свв. Іоанномъ и Павломъ, мучениками при Юліанѣ (26-го іюня), помощниками отъ грозы. Заговоры противъ нея съ именами свв. Іоанна и Симона существуютъ и въ области Феррары (*Pitrè, Archivio V, стр. 288*), отъ грозы спасаетъ и нѣмецкій *Johannis-kegen*, какъ и пѣсня на Ивановъ день изъ *Periguenx* взываетъ къ св. Іоанну „que

описывается такимъ образомъ: двое ребятъ одного пола или разныхъ половъ, задумавшіе покумиться, вырываютъ каждый у себя по волосу, свиваютъ ихъ вмѣстѣ, при чемъ одинъ изъ участниковъ поетъ: „Связанъ крѣпко, не вырваться; лети, волосокъ (при этомъ дуютъ на него), лети въ море. Мы покумились, мы покумились“.

Iunciuto strittu, non pò scappari,
Vola, capiddu, vattinni a mari,
Semu cumpari, semu cumpari!

Послѣдній стихъ поютъ вмѣстѣ, затѣмъ, схватившись мизинцами и связавъ ихъ, тянутся въ разные стороны, качая руками вверхъ и внизъ и припѣвая: Мы кумовья во имя св. Ивана, кумовья до Рождества; что у насъ есть, то мы дѣлимъ между собою, даже воду; будь у насъ хлѣбъ и кости, вмѣстѣ мы сойдемъ въ могилу, а съ хлѣбомъ и рисомъ войдемъ и въ рай:

Cumpari, cumpari cu' 'u San Giovanni,
Semu cumpari sinu a Natali;
Zoccu avema, nni spartemu,
Sinu all'acqua chi bivemu;
E s'avemu pani e ossa,
Nni nni jamu tutt'è fossa,
E s'avemu pani e risu,
Nni nni jamu'n paradisu.

Въ Ассоро (въ Сициліи) кумующіеся вырываютъ рѣсницу или волосъ и, омочивъ ихъ слюной, обмѣниваются ими, положивъ на черепокъ, который ломаютъ пополамъ, свято сохраняя каждый свою часть. Формула кумовства такая: Мы стали кумами, ими и останемся, придетъ смерть, разстанемся:

Cumpari somu, cumpari ristamu,
Veni la morte e nni spartemu.

Дѣвушки, желающія покумиться, посылаютъ другъ другу подарки въ теченіе времени отъ Иванова до Петрова дня.

Интересенъ слѣдующій обрядъ въ Пьяно деи Гречи: готовятъ блюда, напоминающія *piatta di sepulcri* страстной недѣли: блюда съ наклеи или войлокомъ, который намачиваютъ и засѣваютъ пшеницей, овечьимъ горохомъ, чечевицей, и держатъ въ темномъ

nos gart de tempesta“. Сл. *Revue des langues romanes*, 3-е série, t. XII (1884) стр. 157 слѣд.: *Cantique Périgourdin en l'honneur de St. Jean Baptiste* (ca. v. 72). Цѣлги, собранныя въ навечеріе Иванова дня, отвращаютъ грозу. Сл. *Angela Nardo-Cibele, Sul san Giovanni Battista, ricordi veneti, у Pitrè, Archivio IX* стр. 315, 323; ib. стр. 417—418: у венеціанскихъ словинцевъ.

мѣстѣ, пока сѣмена не взойдутъ. Когда трава нѣсколько поднимется, бережно связываютъ кончики, и кумы обмѣниваются блюдами. Обрядъ требуетъ, чтобы приносящая отрѣзала пучекъ травы, который перевязывается лентой и бережетъ, какъ святыню. Сходный обычай въ Чъянчъянѣ: кума приносить кумѣ блюдо съ посѣянной въ немъ (за сорокъ дней до Иванова дня) на хлопкѣ пшеницей. Желаетъ-ли ты отрѣзать у меня пшеницы? спрашиваетъ она; коли та согласна на союзъ, она дѣлитъ пшеницу, половину съѣдаетъ, а другую предоставляет подругѣ. Блюда, напоминающія *piatta di sepolcro*, указываютъ на связь этого полузабытаго обряда съ сардинскимъ отраженіемъ похоронныхъ садовъ Адониса; сплетеніе волосъ и травы—символъ связи вообще, въ данномъ случаѣ кумовства.

Дѣти кумуются еще особымъ обрядомъ: крещеніемъ куколокъ св. Іоанна (*purì di S. Giovanni*) ¹⁾; иначе кумованье состоитъ въ обмѣнѣ подарками въ теченіе пяти дней отъ Иванова до Петрова дня, или опредѣляется жребьемъ, какъ, напримѣръ, въ Каккамо, гдѣ нѣсколько знакомыхъ семей собираются въ навечеріе Иванова дня, записываютъ на карточкахъ имена присутствующихъ, кладутъ ихъ въ два надломанныхъ сосуда (*mizzuni*=*grossa tozza*), для женщинъ и мужчинъ особо, и затѣмъ вынимаютъ попарно: чьи имена вышли, тѣ и становятся кумовьями. Тожественный Ивановскій обычай существуетъ у испанцевъ Аргентинской республики ²⁾, какъ сербскому обряду кумовства для замиренія и устраниенія мести отвѣчаетъ таковой-же въ Сициліи: пьютъ мировую и кумятся, при чемъ одинъ изъ покумившихся будетъ крестнымъ отцомъ ребенка, если онъ родится у кума.

Прослѣдимъ отраженіе этого обычая, въ его народныхъ и церковно-народныхъ формахъ, въ другихъ итальянскихъ областяхъ.

Въ Маркахъ кумованье привязывается къ Иванову дню. Желающіе покумиться (мужчины или женщины) посылаютъ другъ другу букеты цвѣтовъ, съ такимъ двустилиемъ:

El mazzo è piccolo, l'affetto è grande,

Ve chiedo per compare (или commare) de S. Giovanni.

(Букетъ малъ, велика любовь; прошу васъ быть мнѣ кумомъ или кумой во имя св. Іоанна). Спрошенный или спрошенная такимъ обра-

¹⁾ Съ сообщеніями Pitrè сл. еще: *Gastano di Giovanni Aneddoti e spigolature folk-loriche* въ Archivio XII, стр. 261 слѣд.

²⁾ Archivio VI, стр. 437—438.

зомъ отвѣчаетъ куму или кумѣ посылкой букета въ Петровъ день съ изъявленіемъ согласія:

El mazzo è piccolo, l'affetto è sincero,
V'accetto per compare (или commare) de S. Piero.

(Букетъ малъ, любовь искренняя; я избираю васъ въ кумы во имя св. Петра) ¹⁾.

Въ Абруццахъ ²⁾ кумомъ считается не только крестный отецъ (*compare del batterimo, della cresima*), но и шаферъ или дружка, и существуетъ обрядъ кумованья букетомъ (*a mazzetto*), отвѣчающій описанному выше въ Маркахъ и также приуроченный къ Иванову дню. Другіе обряды напоминаютъ подробности сициліанскихъ: дѣвушки, желающія покумиться, схватываются руками и три раза обходятъ алтарь; затѣмъ цѣлуются другъ съ другомъ, и каждая изъ нихъ вырываетъ себѣ по волосу, который прячетъ въ какомъ-нибудь уголкѣ церкви. Въ причитаніи, которое поется при этомъ случаѣ, упоминается св. Іоаннъ:

Cummare e cummare,
La notte di Natale,
La notte di San Juvenne.

(Кумъ и кума, въ ночь на Рождество, въ ночь на св. Іоанна) и говорится о готовности все подѣлить съ кумой и свято держать кумовство, иначе ихъ ожидаетъ адъ. Еще проще кумовство *a ditillo* (мизинецъ): двѣ дѣвушки схватываются мизинцами и качая руками приговариваютъ: Кума моя, кума, покумимся, а коли поссоримся, угодимъ въ преисподнюю,—послѣ чего каждая вырываетъ у себя по волосу и кладетъ на голову другой.

Кумовство блюдется свято: куму не слѣдуетъ говорить „ты“, грѣхъ бранить или вообще обижать его, ибо святой Іоаннъ накажетъ за это; грѣхъ проступиться противъ жены кума, и наоборотъ ³⁾. Одна сициліанская легенда разказываетъ о кумѣ, влюбленномъ въ свою куму; чтобы побѣдить ея суровость онъ послалъ ей въ даръ дыню; разрѣ-

¹⁾ *Gianandrea*, La festa di S. Giovanni nei proverbi e negli usi marchigiani, у *Pitrè*, Archivio VIII, стр. 335.

²⁾ Сл. *De Nino* I. c. I 19 слѣд., 48 слѣд.; его-же въ Archivio *Pitrè*, IX стр. 359—61; *Finamore*, Credenze, usie costumi abruzzesi (Curiosità v. VII, стр. 165 слѣд.).

³⁾ Сл. *Vigo*, Opere v. II: Raccolta amplissima di canti popolari siciliani, 2-е изд., стр. 647 слѣд. (I cumpari del Comiso), стр. 661 (II comparatico); *Pitrè*, Canti popolari siciliani, v. II, № 967.

завѣ ее, она, къ своему ужасу, нашла въ ней голову св. Іоанна, густо обросшую травой (*cajulidda*), похожую листомъ и запахомъ на майоранъ (душицу). Голова, обросшая травой, напоминаетъ въ одно, и то же время и голову Адониса и сициліанско-сардинскіе похоронные сады, *verischi*.—Есть еще нѣсколько сициліанскихъ легендъ, гдѣ святой также выступаетъ, карая поправшихъ святость кумовства. Подъ Саро Feto погребены кумъ и кума, согрѣшившіе другъ съ другомъ; въ другомъ случаѣ разказывается, что св. Іоаннъ открылъ мужу связь его жены съ кумомъ и посовѣтовалъ ему бросить въ проступившихся своей иконой, отчего оба они умерли по прошествіи двухъ дней. Сходные разказы ходятъ въ Монферратѣ ¹⁾ и другихъ мѣстностяхъ Італіи. Бездонное озеро у *Castrogiovanni* поглотило, по волѣ святаго, согрѣшившихъ кума и куму; смущенный такою строгостію, Христосъ разрѣшилъ Іоанну только разъ въ году прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ наказанія, именно въ день его праздника, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день наводитъ на него крѣпкій сонъ. Когда онъ просыпается, спрашиваетъ, когда настанетъ его праздникъ: погоди, придетъ, отвѣчаютъ ему; „веселитесь, не бойтесь, Іоаннъ почиваетъ“, говорятъ 24-го іюня тѣмъ, кого подозреваютъ въ неблюденіи его закона ²⁾.—Въ венеціанской области ³⁾ св. Іоаннъ покровитель кумовства, между прочимъ, кумовства по „перстню“, потому что, какъ въ Абруццахъ (и Сербіи), дружка зовется кумомъ, и во *ipso* крестнымъ отцемъ перваго ребенка (*el compare del'anelo è compare del primo putelo*). „Въ Венеціи вѣрятъ, что нѣтъ такого грѣха въ связи брата съ сестрой, отца съ дочерью, какъ въ связи между людьми, покумившимися во имя св. Івана“: таковы слова, вводяція насъ въ слѣдующую венеціанскую легенду: женихъ посылаетъ своего дружку по невѣсту, чтобы вести ее въ церковь. Тотъ влюбляется въ нее и, усаживая ее въ гондолу, такъ страстно жметъ ей руку, что ей больно. Позже онъ раскаялся въ этомъ поступкѣ и исповѣдывается священнику. Великій грѣхъ ты сотворилъ, говоритъ священникъ и налагаетъ на него зпятимію, если онъ хочетъ получить прощенье: пусть пойдетъ ночью

¹⁾ *Ferraro*, l. c., № 5, стр. 6.

²⁾ *Vetri*, Il lago sprofondato ed il sonno di S. Giovanni Battista, *Legenda popolari in Castrogiovanni*, у *Pitrè Archivio IX*, стр. 356—357. Такъ и по повѣрью румынъ Господь скрываетъ отъ Ильи день его празднованія, иначе свѣтъ погибъ бы отъ его грозныхъ ударовъ. См. Разысканія № VII, стр. 264.

³⁾ *Bernoni*, l. c., №№ 1—3.

въ такое-то мѣсто, не оборачиваясь, какой бы страшный шумъ онъ ни слышалъ; онъ встрѣтитъ трехъ человѣкъ и каждому долженъ вручить по яблоку, которыя даетъ ему священникъ. Кумъ отправляется, слышитъ по дорогѣ голоса, убѣждающіе его вернуться: то были люди, какъ и онъ, проступившіеся противъ св. Іоанна. Слѣдуютъ три встрѣчи; каждому изъ встрѣчныхъ кумъ даетъ по яблоку, но третьему стоило большихъ усилій высунуть руку изъ подъ плаща, и когда онъ показалъ ее, она была такихъ размѣровъ, что на нее страшно было взглянуть. Тѣмъ не менѣе онъ также принялъ яблоко и поблагодарилъ. То были Христосъ, ап. Петръ и св. Іоаннъ, объяснилъ впослѣдствіи священникъ: ты думалъ, что пожалъ руку невѣстѣ, но то была рука св. Іоанна (*Bernoni*, 1. с. № II). Сходная легенда извѣстна и въ Аbruццахъ ¹⁾. Очевидно, нарушеніе этого особаго рода кумовства по браку имѣетъ въ виду сербская пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ: онъ посылаетъ сватовъ по невѣсту, а одинъ изъ нихъ, венеціанскій дожъ, объясняется ей въ любви. Она отвѣчаетъ:

Подъ нами ѣе се земля провалити
А више нас небо проломити
Как ѣе се кум куму миловати ²⁾.

Иначе въ сербской же пѣснѣ изъ Срема: слуги Манойла Грчица распускаютъ слухи, что его жена, Янья въ связи съ своимъ дружкой, венеціанскимъ дожемъ. Подслушала это мать Манойла и сообщаетъ сыну, который тотчасъ же идетъ къ дожу и объясняется. Тотъ клянется въ своей невинности, предлагаетъ вмѣстѣ отправиться къ Яньѣ и отъ нея узнать всю правду. Тогда небо заволочлось тучами, поднялась гроза, и молніей убило служителей Манойла, его самого и его мать ³⁾.

Связь кума съ кумой считается тяжкимъ грѣхомъ у южныхъ славянъ; то-же твердитъ и нашъ стихъ о Голубиной книгѣ, и сказка о Кумовой кровати ⁴⁾ и малорусское сказаніе о „Кумыной Долинѣ“: о кумѣ съ кумой, согрѣшившихъ другъ съ другомъ и съ тѣхъ поръ плавающихъ на озерѣ въ видѣ дикихъ утокъ ⁵⁾.—Церковный за-

¹⁾ *D. Nino*, 1. с., IV. стр. 83. слѣд.

²⁾ *А. Поповъ*, Путешествіе въ Черногорію, стр. 53.

³⁾ *Srpske nar. pesme, skupio po Sremu B. M. Pančevu* 1875, стр. 25—28 у *Krauss'a*, *Sitte und Brauch der Südslaven*, стр. 610.

⁴⁾ *Лантеонъ* 1888 г. кн. IX, стр. 13—16.

⁵⁾ *Чубинскій*, Труды I, 10.

претъ браковъ между кумовьями восходитъ къ римскому собору 721 года ¹⁾).

III.

Итакъ св. Іоаннъ Креститель въ итальянскихъ обрядахъ 24-го іюня—покровитель народнаго кумовства, духовной связи, символически выражающейся въ Сициліи образомъ сплетенія (волосъ, травы), въ Сардиніи общеніемъ кубка. Всѣ эти подробности приводятъ къ вопросу о генезисѣ старонѣмецкаго обычая: пить во имя св. Іоанна.

Я разумѣю такъ называемую *Johannisminne* (чешск. *milost a laska sv. Jana*; *mina sv. Jana*) ²⁾).

Предлагаемая мною параллель оправдывается слѣдующими соображеніями: 1) свѣдѣніемъ, что обычай *Johannisminne* отбывался и 24-го іюня, и что древнѣйшее свидѣтельство о кубкѣ св. Іоанна относится именно къ Крестителю (*potas in amore beati Johannis praecursoris. Liutpr. leg. 65*; пѣсня о *Periger's*: *Johannes baptista pincerna*); 2) распределение обряда между 24-мъ іюня и 27-мъ декабря, днемъ памяти ап. Іоанна, объясняется не только знакомымъ намъ народнымъ смѣшеніемъ сомнѣнныхъ святыхъ, но и народнымъ параллелизмомъ между обрядностью, сопровождавшею празднованіе лѣтняго и зимняго поворота солнца ³⁾, что выражается, между прочимъ, отношеніемъ рождественской *Johannisminne* къ жатвѣ, вину и т. д.; 3) извѣстное обращеніе Христа къ Богородицѣ ап. Іоаннъ: „Се сынъ твой“ естественно вело къ идеѣ духовнаго братства, которое сближалось съ идеей кумовства, стоявшей подъ эгидой Іоанна Крестителя; 4) внѣшній символъ родственной или духовной связи: общеніе (крови, слюны) вина,—находилъ встрѣчныя черты въ легендѣ о томъ, что язычникъ Аристоклемъ подаль апостолу кубокъ отравленнаго вина съ общаніемъ сдѣлаться христіаниномъ, если св. Іоаннъ, выпивъ его, останется невредимъ. „*Deus cujus potes*

¹⁾ *Hefele*, Conciliengeschichte III, 362.

²⁾ Сл. *Ignaz Zingerle*, *Johannisseggen und Gertrudenminne*. Wien, 1862; J. Grimm, *Deutsche Mythologie*, 4-е Ausg., Register, a. v. *Johannisminne* и *Gertrud*; *Schmeller*, *Bayerisches Wörterbuch* I 1206 (a. v. *Johans*), 1618 (№ a. v. *Minn*); *Jahn*, *Die deutschen opfergebräuche*, стр. 45 слѣд.; 269 слѣд.; *Zibrt*, *Staročeské výroční obyčeji*, стр. 271 слѣд.; его же: *Listy z českých dějin kulturních* стр. 77 — 80, гдѣ приведена и литература вопроса.

³⁾ См. Разысканія, № VI, стр. 65.

tate S. Ioannes evangelista potum venenosum et toxicum digressit*, поется въ церкви при освященіи вина.

Италянскія повѣрья и обряды даютъ нѣкоторое право предположить, что въ нѣмецкомъ Johannisminne или Johannisseggen сохранились отзвуки старыхъ купальскихъ обычаевъ. Въ настоящее время обрядъ этотъ находится въ Германіи въ состояніи переживанія; Johannisminne защищаетъ отъ молніи и чаръ, отъ меча (ибо Іоаннъ Креститель былъ убитъ) и яда (въ связи съ легендой объ ап. Іоаннѣ), но она же вліяетъ на преуспѣяніе жатвы и стада, даетъ мужчинамъ силу, женщинамъ красоту; ее пьютъ при сдѣлкахъ; я вижу въ ней основную идею любви, примиренія, братства.

Обыкновенно „Иваново вино“ освящается 27-го декабря въ церкви до полудня; формулы освященія нѣтъ въ римскомъ миссалѣ, но она встрѣчается въ старыхъ ритуалахъ. „Deus meus... nos te ad auxilium provocamus, cujus audito nomine serpens conquiescit, draco fugit, silet vipera et rubeta illa quae dicitur rana inquieta torpescit, scorpius extinguitur, regulus vincitur et squalangus nihil noxium operatur“¹⁾. Старо-нѣмецкое „благословеніе“, изданное Гофманномъ²⁾, указываетъ, что произносилъ его священникъ (7 hër sò seghene ik sante Johannes тунне); какъ и предыдущая формула, она имѣетъ въ виду апостола и заключается обращеніемъ къ присутствовавшимъ: испить благословеннаго вина, пить въ круговую (63 drink unt du sealt vobat gheven); кто здѣсь обреченъ къ смерти, у того пусть прольется напитокъ (v. 59 слѣд.).

Въ былое время священникъ давалъ вкушать отъ этого вина у рѣшетки, куда приступали причастники, или у алтаря, со словами: bibo amorem sancti Johannis in nomine Patris et Filii et Spiritus sancti. Это та же формула, которую въ Майнцѣ, Вюртембергѣ, Вормсѣ произноситъ священникъ, подавая освященное вино брачующимся, въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи и ихъ родственникамъ и свидѣтелямъ, при чемъ и самое вино носитъ въ народѣ названіе Johannisseggen или Johannisminne³⁾. Обычай предлагать новобрачнымъ „благословеніе Іоанна“ удержался въ Баваріи и нижней Австріи, въ Тиролѣ и

¹⁾ См. Benedictio vini in die Seti Iohannis ev. vel quando necesse, у Schmelser'a I. c. I, 1206.

²⁾ Sitzungsberichte d. Kön. bay. Ak. d. Wiss. zu München, Jahrg. 1870, B. II, стр. 15 слѣд.

³⁾ Wo'f, Beiträge zur deutschen Mythologie I, 80.

среди хорутанскихъ славянъ; въ былое время онъ знакомъ былъ и чехамъ ¹⁾).

Теперь вино, освященное 27-го января, уносятъ домой, гдѣ выпиваютъ его, съ такимъ припѣвомъ (изъ окрестностей Oberndorf'a):

Grüss dich Gott, *Bruder gut!*
Wir haben getrunken Christi Blut;
Gott Vater mit mir,
Gott Sohn mit dir,
Gott heiliger Geist mit uns beiden,
Das wir glücklich von einander scheiden.

Отъ этого вина даютъ отвѣдать всѣмъ домашнимъ, даже дѣтямъ въ люлькѣ.

Рождественская *Johannisminne* извѣстна въ Швабін, Баваріи, Фюрарльбергѣ, Тиролѣ, Зальцбургѣ, Каринтіи, Штиріи, Австріи, Гессенѣ, въ области Гильдесгейма, въ Англіи ²⁾, у Лужичанъ ³⁾; по свидѣтельству Оомы Щитнаго онъ существовалъ и въ старой Чехии и теперь еще знакомъ мадьярамъ, можетъ быть, заимствовавшимъ у его сѣдмьградскихъ саксовъ: здѣсь „святое Іоанново вино“ пьютъ въ навечеріи Рождества, поливаютъ имъ внутренности животныхъ, которыя въ этотъ вечеръ служили пищей, и по нимъ гадаютъ, кому изъ домашнихъ выйдетъ замужъ или жениться. Въ былое время чару Св. Іоанна (*rosulum St. Johannis*) пили при сдѣлкахъ и куплѣ; отсюда ея названіе въ старыхъ актахъ: *victima emptiois, bibitionis* ⁴⁾. Въ Германіи обрядъ рождественской *Johannisminne* обратился въ 16 — 17 вѣкахъ въ массовыя попойки ⁵⁾.

Подобныя же попойки водились и о лѣтнемъ Ивановѣ днѣ: пили обыкновенно медъ; отсюда въ Штиріи и Баваріи названіе самого праздника: *Methansel*. Важнѣе слѣдующій обычай, существовавшій нѣсколько десятилѣтій тому назадъ въ Ротенбургѣ (*Rotenburg a N.*): сосѣди и знакомые сходились у какого нибудь дома, столовались вмѣстѣ, забывая ссоры и примиряясь; кто приносилъ съ собой хлѣбъ, кто мясо или вино; трапеза продолжалась на открытомъ воздухѣ среди пѣсенъ, глубоко въ ночь. Еще и теперь въ Гейльброннѣ пьютъ *Johannisminne* на улицѣ, а въ старые годы цехи въ *Ueberlingen*ѣ

¹⁾ *Zibrt*, Listy, стр. 80.

²⁾ *Jahn*, I. c.

³⁾ *Haupt*, Sagenbuch d. Lausitz, стр. 445.

⁴⁾ *Wlislöcki*, Aus dem Volksleben der Magyaren, стр. 32—3.

⁵⁾ *Jahn*, I. c., стр. 271.

собирались въ Ивановъ день на общую трапезу. Не даромъ этотъ день зовется въ Швабін днсмъ замиреній (Versöhnungstag ¹⁾).

Старо-нѣмецкія свидѣтельства говорятъ объ одномъ специальномъ видѣ Johannisseggen или Johannisminne: его пили при разставаніи, на счастье и удачу въ пути. Такъ въ Dietrichs erster Ausfahrt въ Морольфѣ и др. Особенно интересны по своимъ бытовымъ подробностямъ сцены изъ Minnekloster ²⁾ между дамой и ея милымъ: „Она сказала: Господь съ тобою! испей напередъ благословеннаго вина. Я отвѣчалъ: Охотно. Тутъ стояла и ея дѣвушка, къ ней она обратилась: Коли любишь меня, возьми золотой кубокъ, да принеси намъ добраго вина. Та скоро вернулась съ виномъ, моя милая (gespil) взяла кубокъ, говоритъ: Выпей же со мной, товарищъ (gesell), желаю тебѣ всякаго блага; выпей благословеннаго Іоаннова вина и памятуй имена трехъ королей (волхвовъ, покровителей въ путяхъ), чтобы намъ снова сойтись въ радости и вмѣстѣ принести покаяніе въ грѣхахъ. Во имя Іоанна я выпилъ съ нею и сказалъ: Выпей и ты со мною, какъ и ты мнѣ поднесла, чтобы намъ снова увидѣться. Съ охотой, отвѣчала она, выпила и подала мнѣ со словами: Вонъ рядомъ съ тобою моя дорогая подружка (gespillin), пусть и тебѣ она станетъ такою же (gesellin). Это мнѣ въ удовольствіе, отвѣчалъ я, обратившись къ общей товаркѣ, и попросилъ ея: Выпей же вмѣстѣ съ нами, чтобы намъ всегда прбывать въ веселіи и вѣрности и не раскаться. Она выпила и тотчасъ же сказала: Гдѣ только я буду въ состояніи оказать помощь тебѣ и моей подружѣ, сдѣлаю это охотно. Тутъ я съ ними распрощался“ ³⁾.

¹⁾ Въ Баваріи освященіе вина на лѣтній Ивановъ день не употребительно, говоритъ Hoeffler, освященіе происходитъ 27-го января. См. Hoeffler, Die Kalender-Heiligen als Krankheits-patrone beim bayerischen Volk, *Zs. des Vereins f. Volkskunde*, I, стр. 298, 305.—Отмѣтимъ кстати и старый обычай *Иоанновскаго яма*, отмываемый въ воскресенье до или послѣ Иванова дня въ сѣверномъ Дитмаршѣ: группы ребятшекъ и взрослой, холостой молодежи пляшутъ вокругъ двухъ деревьевъ; молодые люди порой останавливаются во время пляски, при чемъ имъ подаютъ напитки (обычай, напоминающій сходный свадебный въ Дитмаршѣ). Затѣмъ кто-нибудь вѣзаетъ на то и другое дерево и прикрѣпляетъ къ нему веревку, за которую окружающіе тянутъ, тогда какъ сидящіе на верху помогаютъ его раскатать. Какая изъ двухъ партій скорѣе выкорчитъ дерево, тащитъ его съ веселыми кликами къ дому (Gilhehaus), гдѣ отбывается Johannisbier. Сл. Am Ur-quell, I, стр. 87 слѣд. и *Pitrd*, Archivio IX, стр. 362 слѣд. (Carstena).

²⁾ *Lassberg's Lidersaal* II, стр. 262.

³⁾ Johannisseggen XV-го вѣка у Zingerle (*Zs. des Vereins f. Volkskunde* I, стр. 319—20), очевидно, напутственный. Съ идеей разставанья связано и названіе

Названіе Gertrudenminne, которое въ средніе вѣкаравносильно было „Іоаннову вину“, связано съ одной внѣшней подробностью легенды о св. Гертрудѣ (17-го марта): она была большая почитательница св. Іоанна; какой то рыцарь влюбился въ нее и продолжалъ преслѣдовать ее своей любовью даже тогда, когда она ушла въ монастырь. Отчаявшись въ достиженіи цѣли, онъ записалъ свою душу черту, если по прошествіи семи лѣтъ онъ поможетъ ему. Но срокъ прошелъ, и ухищренія бѣса не имѣли успѣха; тѣмъ не менѣе онъ предъявлялъ свои права на душу рыцаря. Тогда св. Іоаннъ, представъ св. Гертрудѣ въ сновидѣніи, предупредилъ ее объ опасности, въ какой находится ея поклонникъ. Она вышла соборне передъ монастырскія врата, мимо которыхъ дьяволъ проносилъ рыцаря, подала послѣдному кубокъ съ виномъ и попросила выпить его во имя св. Іоанна. Какъ выпилъ его, дьяволъ испустилъ страшный вопль, и рукописаніе рыцаря упало разодранное къ его ногамъ.

Johannisseggen спасаетъ отъ дьявольскаго навожденія: кто испилъ его, къ тому не подступится нечистая сила. Такъ въ двухъ разказахъ, записанныхъ въ нижней Австріи ¹⁾; въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о лѣтнемъ Іюанновомъ днѣ, въ одномъ о Johannisseggen, выпитомъ въ церкви, за мессой.

Сложилась ли отношенія между благословеніемъ Іоанна и Гертруды на почвѣ житія послѣдней? Очень вѣроятно, что она стала на мѣсто какого-нибудь болѣе древняго, обрядоваго образа. Нѣмецкое повѣрье, что души умершихъ проводятъ первую ночь у св. Гертруды, указываетъ на ея хеоническій характеръ. Къ этому вопросу мы еще вернемся.

IV.

Сохранившееся кое-гдѣ въ Германіи приуроченіе Johanisminne къ 24-му іюня съ его общими трапезами и примиреніями, указываетъ и

послѣдней „напутственной“ чары, которую выпиваютъ на попойкахъ: Johannisseggen или Stehwein, trunk ve jmeno sv. Ioana Dliána. Сл. Zibrt, Starod. vyročni obyčej, стр. 272, прим. 76, стр. 274, Haupt, Sagenbuch d. Lausitz, стр. 446. Что мать Альбрехта Дюрера пожелала передъ смертью вкусить отъ благословенія св. Іоанна (sent Johans Segen), указываетъ, быть можетъ, на воспріятіе, распространенное среди славянъ (напр. мазуровъ), на либацію при похоронахъ, какъ на напутствіе. Сл. Blaas, Zur St. Iohannisminne, Germania, XXI, стр. 214. Благословеніемъ св. Іоанна напутствовали и осужденнаго на смерть. Сл. Schmeller, I. c., т. I, стр. 1618.

¹⁾ Willebald Leeb, Zum Johannisfest, въ Zs. f. Volkskunde IV B. стр. 284—5.

здѣсь на существованіе когда то такихъ же обычаевъ на Ивановъ день, какъ въ Сициліи и Сардиніи.

Но эта параллель протягивается и далѣе до хорватскаго побережья, гдѣ въ этотъ день молодые люди и дѣвушки кумуются (ro-kumljeње, ro-kumljivatise), цѣлуя другъ друга и обмѣниваясь кольцами, и эта связь обязываетъ ихъ на цѣлый годъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, это единственный знакомый мнѣ фактъ, позволяющій приурочить именно къ Иванову дню явленіе кумовства, какъ извѣстно, столь распространеннаго на славянскомъ югѣ, особливо въ Сербіи ²⁾. Я имѣю въ виду не церковные или полцерковные его виды, какъ кумовство по крещенію (kršteno kumstvo), при первомъ постриженіи ребенка (k. žišano или striženo, krizmeno kumstvo), конфирмаціи (k. на firmi или iz berme=bermanok) или свадьбѣ (djevogovaње, k. vjenčano), а народныя, какъ кумовство при замиреніи для отвращенія родовой мести, или въ минуту опасности, когда кто нибудь ищетъ въ другомъ помощи и предлагаетъ ему покумиться во имя Бога и св. Іоанна ³⁾. Въ такихъ случаяхъ кумовство сливается съ другой формой народнаго союза—побратимствомъ: *кумую* тебя во имя Бога и св. Іоанна, *помоги* мнѣ, будь мнѣ *братомъ* по Богу, говорятъ въ нуждѣ тому, кого избрали себѣ *побратимомъ* ⁴⁾, какъ и обязанность деверя (шафера) на свадьбѣ понималась съ точки зрѣнія кумовства и—побратимства: деверь обращается къ золовкѣ съ названіемъ *посестрими*, она зоветъ его *побратимомъ* ⁵⁾.

Побратимство, какъ древняя форма фиктивного принятія въ родъ, выражавшагося между прочимъ символическимъ смѣшиваніемъ, лизаніемъ крови и т. д., существовало у разныхъ народовъ, и теперь еще существуетъ, кое-гдѣ, какъ бытовой фактъ или переживание въ

¹⁾ Krauss, I. c. 610 t.

²⁾ См. Krauss, I. c. стр. 606 слѣд. (Gevatterschaft); о побратимствѣ ibid. стр. 619: Wahlbrüderschaft u. Wahlschwesterschaft. См. Бобчевъ, О побратимствѣ и посестримствѣ, *Живал Старина* II, вып. 3, стр. 31 слѣд. и указанную тамъ и здѣсь литературу.

³⁾ С нимъ се кумо се од воѣе а безъ невоѣе, по Богу истинное, по Іовану светоме, по закону Христовомъ, по народу серпскомъ (*Петрановић*, Обичаји српског народа у Босни, *Гласник* XXX, стр. 327).

⁴⁾ Krauss I. c. 632.

⁵⁾ Бобчевъ I. c., стр. 35, 42.

⁶⁾ Schiefner, Heldensagen стр. 425, 426; Radloff, Proben I, стр. 93, 283, 340, 361, 398, 404; II, 127, 174, 184, 189 и passim. Сл. рубрику La fraternisation въ *Melusine* и *Revue des traditions populaires*.

пѣснѣ. Мы встрѣчаемъ его у лопарей, кавказцевъ и кельтовъ, въ монгольскомъ и тюркскомъ эпосѣ¹⁾; для германцевъ достаточно указать на сѣверныхъ *fóstrboedrig* и на отраженіе древняго института въ братаніи витязей французской *chanson de geste* и романа²⁾. Извѣстна средневѣковая греческая *ἀδελφοκτοία*³⁾ и жизненность этого обычая у южныхъ славянъ въ формахъ побратимства и посестримства, о чемъ поютъ ихъ пѣсни. Въ Малороссіи до сихъ поръ удержалось слово побратимъ; братались запорожцы, и русскій эпосъ полонъ богатырей, братьевъ крестовыхъ или названныхъ: Илья братается съ Святогоромъ, Алешей, Добрыней, Потокомъ и Дюкомъ, съ Данилой Игнатьевичемъ и Васильемъ пьяницею; Алеша Поповичъ съ Добрыней, Иваномъ Дубровичемъ, Екимомъ Ивановичемъ и Маркомъ Паробкомъ; Добрыня съ Алешей, Васильемъ Казимировичемъ, Данилой Денисьевичемъ и Потокомъ; Василий Вуслаевъ съ Костей Новоторжениномъ. Пѣсня о гибели богатырей называетъ семь крестовыхъ братьевъ: Хотена, двухъ Васильевъ, Ивана Гостинаго сына, Добрыню, Алешу и Илью.

Вездѣ этотъ союзъ чтился свято, обязывая братующихся къ взаимной помощи, къ чистотѣ нравственныхъ отношеній. Поднять оружіе на побратима считалось грѣхомъ. Добрыня идетъ на Данилу Денисьевича:

Тутъ возговорилъ Данило Денисьевичъ:
Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата съ боемъ идетъ.

(Кир. I, 3, стр. 36—7).

Посягнуть на посестриму, на жену побратима, также преступно, какъ и въ подобныхъ же отношеніяхъ кумовства. Такъ во взглядахъ южныхъ славянъ и въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ, когда его названный братъ Алеша распустилъ слухъ о его смерти и сватается за его жену. Не дивую я тебѣ да молода жена, говоритъ вернувшійся Добрыня,

Я дивую названому те братцу о крестовому,
А тому ли Олешенькѣ Поповичу:
Отъ жива мужа жену беретъ. (Гильф. № 23).

На древность этихъ отношеній указываетъ ихъ религіозный синкретизмъ: братаются сербы-христиане съ магометанами, какъ въ ста-

¹⁾ *Flach*, Le compagnonnage dans les chansons de geste (Études romanes dédiées à G. Paris, стр. 141 слѣд.).

²⁾ См. о ней *Tamassia*, L'affratellamento (ἀδελφοκτοία). Studio storico-giuridico, Torino, 1886. Μπράτιμος=ἀδελφοκτοία; у 'Αραβαντινός, Συλλογὴ δημῶδων ἀσμάτων τῆς 'Ηκείρου, стр. 374: очевидно, братимъ.

рое время франки съ греками, Святославъ съ Каюкиромъ. Христіанство овладѣло этимъ бытовымъ фактомъ, апокрифическая легенда о томъ, какъ Провъ Христа братомъ назвалъ, освятила его¹⁾. „Пришедшима же има на рѣку именымъ Вѣастъ и ставшимъ и скотомъ ихъ и влѣзоша ктери шть отрокъ однихъ ловить рыбъ и купатса, и самъ Провъ влѣзе. И рече Ісви: Лѣзи и ты. Ісъ разумѣ, приде и влѣзе и ять рыбу рече: Се створи зане любиши ма. И показа кму Ісъ рыбу, держа въ руцѣ шюкѣ, а десною крта глаголаше: Вѣси-ли, Прове, что ксть въ рыбѣ сей? Онъ же рече: *Брате*, кко рѣхъ-ти, не вѣдѣ. Оле дивное чудо, како Провъ *Богъ братомъ прозва*, зане любъ бѣаху словеса Ісва Прову. Того ради добро к братимитися челоувѣкомъ²⁾ и ако любовь добро ксть“. Въ позднѣйшемъ русскомъ текстѣ (Указъ о братотвореніи, како сотвори Господь братство крестное, еже пазватися можь собою братією всякому православному христіанину)³⁾, говорится о рукописаніи на братство, которое Христосъ вручилъ Прову: „И рече Провъ Господу: Емъманулъ! Како любовь сотворю с тобою? И рече Господь: Какову любовь хочешь, такову сотворю съ тобою. *яко братство сотворити хошу* и возлюбити та, яко самъ себя. И рече Провъ: Сотвори. И Господь вземъ харатія и рукою своею записавъ братство и рече неложными усты своими: Проклятъ есть челоувѣкъ той, иже сотвори брата и не вѣрова въ него. Сіе убо братство болѣ брата рожденнаго“, какъ и русская былина творить: крестовый братъ наче роднаго.

Апокрифическая повѣсть о Провѣ—передѣлка библейской книги Товита, котораго замѣнилъ царь Селевкъ, тогда какъ сынъ его Провъ отвѣчаетъ Тови, Исусъ — ангелу Рафаилу. Интересно въ Указѣ о братотвореніи имя жены Селевка, не названной въ древнемъ текстѣ: *Купава*; оно проводитъ связь между старымъ апокрифомъ и народной *купальской* обрядностью. Старый русскій книжникъ, желая отвѣтить на вопросъ, почему навечеріе Св. Іоанна завется Купальницею и „полезно есть на разныя лѣчебныя потребности“, также вспомнилъ легенду о Тови, о его купаньѣ въ рѣкѣ Тигрѣ по совѣту ангела, о поимкѣ рыбы и цѣлебномъ дѣйствіи ея сердца и утробы. „И оттолѣ

¹⁾ Сл. текстъ у Jagić'a, *Starine V*, 1873, стр. 83—95 и *А. Попова*, Первое прибавленіе въ описанію рукописей и книгъ церковной печати А. П. Хлудова, стр. 81—44. Сл. *М. Соколова*, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, стр. 168 слѣд.

²⁾ Иначе, ошибочно, въ текстѣ Попова: добро есть члвкомъ обращаться

³⁾ Памятники старинной русской литературы I, стр. 123.

мнози назнаменахъ той день, въ его же Товитъ купася съвѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца іунія во 28, яко той день благопотребенъ на всяку ползу роду человѣческому“ ¹⁾).

Такимъ образомъ церковь взяла народное побратимство подъ свой покровъ, создала ритуалъ братотворенія, который можно найти въ старыхъ греческихъ и славянскихъ требникахъ. Какъ Петръ царевичъ Ордынскій братается съ княземъ Ростовскимъ въ церкви передъ епископомъ ²⁾, такъ Марко Кралевичъ съ Докатинче ³⁾, а старофранцузскіе братья богатыри клянутся надъ мощами и Евангеліемъ ⁴⁾. Судя по южнославянскому церковному и народному обиходу, побратимство, какъ и кумовство, поставлены подъ эгидой Св. Іоанна; запретъ браковъ между побратавшимися отражаетъ такой же относительно состоящихъ въ кумовствѣ, хотя здѣсь южнославянская практика колеблется ⁵⁾: церковь допустила брачные союзы между братующими, ибо братство по избранію не въ природѣ и отмечается закономъ ⁶⁾, а между тѣмъ въ болгарскомъ обрядѣ у Бобчева священникъ наставляетъ побратимовъ не забывать, что даже дѣти одного не могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми другаго, ибо сами они въ близкомъ родствѣ ⁷⁾.

Народный обрядъ побратимства у болгаръ обстоятельно описанъ г. Бобчевымъ ⁸⁾. Въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ желающіе вступить въ этотъ союзъ оповѣщаютъ о томъ родственниковъ и сосѣдей и устраиваютъ угощеніе у одного изъ двухъ друзей. Обрядъ состоитъ въ томъ, что вступающіе въ побратимство ножемъ порѣзываютъ себѣ большой палецъ правой руки и лижутъ одинъ у другаго кровь, затѣмъ опоясываются однимъ кушакомъ. Въ Хасковскомъ округѣ (южной Болгаріи) днемъ, положеннымъ для побратимствъ, является день Св. Іоанна Крестителя. Желающіе побрататься готовятъ каждый для себя „китки“ изъ вѣчно-зеленаго „чемшира“ (родъ ели), и прикалываютъ на этой киткѣ обязанную красною ниткою золотую или серебряную монету. Послѣ обмѣна букетами начинается обрядъ

¹⁾ М. Соколовъ, *Жизель Старина*, вып. 2-й, стр. 137—8.

²⁾ Буслаевъ, *Очерки* II, 161.

³⁾ Бессоновъ, *Болгарскія пѣсни*, стр. 121.

⁴⁾ Flach, I. c., стр. 167—168.

⁵⁾ Бобчевъ, I. c. 42.

⁶⁾ ἡ διὰ θεσμῶς ἀδελφότης:τῇ φύσει ἀνακόλουθεν καὶ τῷ νόμῳ ἀπόβλητον.

⁷⁾ I. c., стр. 37.

⁸⁾ I. c., стр. 36—38.

кровопусканія и лизанія крови; подойдя къ очагу, побратимы кладутъ на него ноги, обнимаются, цѣлуютъ другъ у друга руки, снова мѣняются китками и пьютъ виноградное вино изъ одной фляжки.—Въ слѣдующемъ году, въ тотъ же день Св. Іоанна, дѣлается „повръщанье“, то-есть, возвращеніе, состоящее въ трапезѣ въ домѣ старшаго изъ побратимовъ, къ которой приглашаются всѣ присутствовавшіе при совершеніи обряда.

Участіе въ немъ церкви проявляется различно. Въ Старо-Загорскомъ округѣ (Болгарія) братующіеся также запасаются китками (изъ босилыка), обмѣниваются ими и цѣлуютъ другъ друга, а за трапезой наканунѣ Св. Іоанна Крестителя священникъ благословляетъ ихъ союзъ, обращаясь къ нимъ съ поученіемъ о святости побратимства: о немъ ничего не писано въ законахъ, но его знаетъ наша мать-церковь и православный людъ. Мы всѣ братья въ христіанской вѣрѣ и любви, однако это простое братство. Что же до настоящаго побратимства, оно можетъ заключаться только наканунѣ Иванова дня. Это потому, что хотя Св. Иванъ и отнѣкивался крестить Господа нашего Іисуса Христа, наконецъ все-же крестилъ его; такъ они стали побратимами, какими и вы теперь хотите быть. Съ тѣхъ именно поръ появилось на свѣтѣ побратимство.—Затѣмъ священникъ читаетъ по старинному требнику обрядъ братотворенія, объясняя побратимамъ, что они братья духовные.

Иногда заключеніе побратимства ограничивается троекратнымъ поцѣлуемъ или клятвой передъ Богомъ и Св. Іоанномъ, либо передъ иконой. Собственно церковное, „большое братотвореніе“ совершается въ церкви, передъ алтаремъ, при чемъ священникъ возглашаетъ на ектеніи: „о совокупляющихся въ любовь нелицемѣрную Господу помолимся, и соблюсти братство независти“. Затѣмъ онъ читаетъ молитвы, изъ которыхъ во второй будущимъ „братьямъ по духовной вѣрѣ“ ставятся въ образецъ ап. Петръ и Павелъ, Филиппъ и Варсоломей и св. мученики Сергій и Вакхъ. Слѣдуютъ чтенія изъ посланія ап. Павла къ коринѳянамъ („Братіе, внимайте тѣло Христово“) и Евангелія отъ Іоанна („во прѣме оно возведе Ісусъ очи свои на небо и рече: Яко же ти ми посла въ миръ, и азъ послахъ въ миръ“) ¹⁾. Закрывающіе побратимство цѣлуютъ Евангеліе, обнимаютъ другъ друга, и обрядъ кончается причащеніемъ св. Тайнъ.—Иначе сообщаютъ,

¹⁾ Krauss, 1. с., стр. 628, говоритъ по этому поводу объ Откровеніи св. Іоанна.

что побратимы трижды вкушаютъ хлѣба и вина, которые подаетъ имъ священникъ, при чемъ переживаніемъ старой обрядности представляется та черта, что младшій изъ братующихся пускаетъ себѣ изъ руки кровь, которая и примѣшивается къ вину. Мы уже сказали, что этотъ символъ религіознаго принятія въ родъ принадлежитъ къ распространеннымъ въ народномъ ритуалѣ: такъ въ стихотворной Эддѣ братаются боги, смѣшивая кровь (Oegisdrekka 9, Sigurdarkviða 17), мальчики заключали между собою братскій союзъ, накалывая руку, спуская кровь въ одну ямку и смѣшивая ее вмѣстѣ ¹⁾; о торжественномъ заключеніи föstbroedgatalag я говорю далѣе; но еще въ поэмѣ о Вальтаріи герой, принужденный вступить въ бой съ Гагеномъ, напоминаетъ ему, что когда-то они смѣшали свою кровь, ихъ дружба была имъ высшимъ благомъ; куда дѣвалась она теперь, какъ измѣнился свѣтъ! Такъ и въ Lancelot du Lac есть указаніе, что братующіеся вкушали отъ своей крови ²⁾.

Изъ народнаго же ритуала перенесенъ, вѣроятно, и символъ кушака, которымъ связываютъ побратимовъ при церковномъ братотвореніи: онъ могъ также первоначально выражать принятіе въ родъ, привязываніе къ нему. Мы отмѣтили сходную черту въ сицильянскомъ кумованьѣ; въ разказѣ Тацита (Ann. XII, 47) о заключеніи мирнаго союза между Радамистомъ и Митридатомъ та-же подробность: схватившись правыми руками, они крѣпко связали большіе пальцы и, когда кровь прилила къ оконечностямъ, извлекли ее легкимъ наколомъ и лизали другъ у друга. Смыслъ обрядности всего рельефнѣе выступаетъ въ слѣдующемъ сербскомъ обычаѣ: когда умираетъ кто-нибудь изъ двухъ братьевъ (или сестеръ) близнецовъ, ногу покойника привязываютъ узломъ къ ногѣ оставшагося въ живыхъ, пока онъ не обратится къ кому-нибудь съ просьбой: Будь мнѣ, Бога ради, братомъ, отвяжи и отпусти меня. Кто на это согласится, становится братомъ просившаго. Замѣтимъ кстати, что чернобыль — *artemisia vulgaris*, играющая такую роль въ народно-европейскомъ обиходѣ Иванова дня, зовется у нѣмцевъ Johannesgürtel, cingulum divi Johannis, Sonnenwendgürtel ³⁾, у чеховъ sv. Jana pás; она то, вѣроятно, и имѣется въ

¹⁾ Weinhold, Altnordisches Leben, стр. 267.

²⁾ Flach, l. c., стр. 166.

³⁾ Иначе: St. Johannesgürtel—chrysanthemum leucanthemum. См. еще Hoefler, Die Kalender-Heiligen als Krankheits-patrone bei dem bayerischen Volk (Zs. des Vereins f. Volkskunde I, стр. 298): der Gürtler, das Sonnenwendgürtelkraut—artemisia abrotanum, Eberraut, Stalwurz; Tanacetum balsamita, Frauenblatt;

виду въ разказѣ Густинской лѣтописи о купальскихъ обрядахъ: „съ вечера собирается простая чадь обоого пола и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядоваго зелія или коренія и *преносящиася быліемъ*, возгнетаютъ огонь“. Чернобылью опоясываются на Ивановъ день въ Малороссіи для устранения болѣзней ¹⁾).

„Крестовые братья“ русскихъ былинь указываютъ, что и они пережили христіанскую, если не церковную метаморфозу побратимства. Можетъ быть, и еще одно заключеніе можно бы сдѣлать въ томъ же смыслѣ — по поводу отчества нашихъ богатырей: между ними много Ивановичей. То, что я имѣю въ виду, принадлежитъ гипотезѣ. Мы видѣли, что итальянское и южно-славянское народное кумованіе поставлено подъ покровительство св. Іоанна, что въ Сициліи имя Иванъ равносильно куму. Въ латышскихъ купальскихъ пѣсняхъ „Иванушко“ стоитъ вмѣсто хозяина, „Ивановы дѣти“ означаютъ не только участниковъ обряда, но и людей вообще ²⁾; въ Венеціи San Zuanin зовутъ ребенка тотчасъ послѣ крещенія ³⁾, какъ въ слѣдующемъ малорусскомъ обрядѣ „Иванъ“ отвѣчаетъ вообще понятію „крещенаго“: когда бабка приноситъ новорожденнаго къ священнику, онъ творитъ надъ нимъ молитву и поздравляетъ ее съ „внукомъ Иваномъ“; затѣмъ онъ нарекаетъ мальчику имя и снова повторяетъ то же привѣтствіе. Послѣ крестинъ ребенка приносятъ домой и передаютъ матери со словами: поздравляемъ съ четвергомъ и съ сыномъ Иваномъ; либо входя въ домъ спрашиваютъ: А ну скажи ка, кумъ, какое имя нарекли нашему Ивану ⁴⁾.—Кумующіе или братующіеся во имя св. Іоанна — его дѣти, Иваны, собственно Ивановичи; это бросило бы свѣтъ на Ивановичей въ числѣ нашихъ богатырей, еслибъ это отчество совпадало съ крестовымъ братствомъ и мы могли положиться на его устойчивость въ пѣсенномъ преданіи.

Artemisia vulgaris s. nitida, Rauten. Сл. *Sobotka*, kwestjonarjusz ułożony przez, *Rafała Lubieca* (изъ V-го тома *Вислм*), № 61: *bylica* (*belica, bielica, bilica, byl*—*artemisia, dianaria, parthenis*). Обращаемъ вниманіе на рядъ мелкихъ сообщеній по купальской обрядности, появившихся въ слѣдующихъ №№ *Вислм*.

¹⁾ Полн. Собр. Р. Л., I, 257, *Аванасеоз*, Поэтич. возвр.; III, 714; *Kolberg*, I, 202.

²⁾ *Bielenstein*, Das Johannisfest der Letten, *Baltische Monatschrift N. F.*, 5. Band, стр. 33, 34, 36.

³⁾ Сл. *Nardo Cibele y Pitre*, *Archivio IX*, стр. 318.

⁴⁾ Труды этногр. стат. эксп. въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія собран. II. II. *Чубинскимъ*, т. IV, стр. 8, 10.

V.

Празднество лѣтнихъ Адоній выяснило намъ два элемента: эротическій и похоронный, выразившійся въ погребеніи тучелы, изображавшей усопшаго бога. Итальянскіе Ивановскіе обряды сохранили эту двойственность: вспомнимъ Сардинскій егме, когда то украшавшійся куклой, и сициланское многозначительное *serulcu*, но эротизмъ древняго обычая получилъ, подъ вліяніемъ христіанства, болѣе смягченную, абстрактную форму кумовства и побратимства, какъ и нѣмецкая *Johannistünne* отвлеклась отъ своего реальнаго значенія.

Русскіе Ивановскіе обряды представляютъ такую же двойственность, только ярче выраженную: ихъ языческій элементъ такъ же, если не болѣе древень, чѣмъ Адонія; весеннимъ и лѣтнимъ Адоніямъ отвѣчаетъ такой же параллелизмъ: эротическое чествованіе и похороны Ярилы и Кострубошки, топленіе Марены ¹⁾,—всѣ эти подробности первоначально весенняго обряда повторяются и въ лѣтнемъ празднованіи отъ Иванова до Петрова дня: какъ въ Италіи кумящіеся обмѣниваются подарками въ теченіе этого срока, такъ и у насъ онъ составляетъ особый „купальскій“ циклъ, совпадающій съ лѣтними Адоніями ²⁾. Можно предположить, что, какъ въ культѣ послѣднихъ, такъ и въ русскомъ весеннемъ и лѣтнемъ обиходѣ чередованіе эротическаго и похороннаго элементовъ было различное, спутавшееся въ вѣковомъ бытованіи обряда. Его приуроченіе къ христіанскому календарю съ его переходными праздниками было причиной другаго смѣшенія, весенняго цикла съ лѣтнимъ: Троицынъ день бываетъ между 11-го мая и 14-го іюня, Всесвятское заговѣнье между 18-го мая и 22-го іюня. Такимъ образомъ объясняется, почему чествованіе Ярилы распредѣлилось между весной и лѣтомъ, кануномъ Троицына дня и 24-го іюня ³⁾. Это необходимо имѣть въ виду, при слѣдующемъ изложеніи.

Объ эротическомъ элементѣ купальскихъ игрлицъ говорилъ уже блаженный Августинъ, для Россіи осталось изъ XVI вѣка свидѣтельство игумена Памфила: въ ночь на 24-е іюня „мало не весь

¹⁾ *Аванасъет*, Поэт. воззрѣніи I, 442, 446, III, 696, 723, 726—728, 762 прим. Сл. Чубинскій, Труды, III, стр. 77; *Kolberg*, 158; *Żegota Pauli* I, 21 — 22; *Свидицкій*, Великдень, *Основа* 1861, XI, 51.

²⁾ Въ Галиціи нарин „кегекають“ по ночамъ отъ Івана до Петра, бѣгая по полямъ съ зажженой паклей, воткнутой на палки. Сл. *Lubica Sobotka*, № 2: *Czy a gdzie pazuwają szasz od 24 szegwca do 30 „szaszem kupalnym“?*

³⁾ Сл. *Ефименко*, I. с., стр. 84—88.

градъ взмается и возбѣсится.... стучать бубны и гласы сопѣлій и гудуть струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ покиваніе, устами ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всескверненныя пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніе и паденіе, но яко на женское и дѣвическое шатаніе блудное имъ възрѣніе, такоже и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе" ¹⁾. Слѣды такого же, но смягченнаго эротизма сохранились въ купальской поэзіи европейскихъ народовъ отъ Португаліи до Россіи, въ эротическомъ элементѣ дѣвичьяго гаданья, въ „баловствѣ“ бѣлорусскихъ купальскихъ игрищъ, въ обычаяхъ „невѣстити“ въ праздникъ Ярилы (въ первое воскресенье послѣ Петрова дня), въ парности именъ, отвѣчающей такой же весенней (Георгій и Марена) ²⁾: Ивана и Марья, Купалы и Марены, Іоанна и его милой ³⁾ бѣло- и малорусскихъ и латышскихъ пѣсень. Къ этой парности и прививается на русской почвѣ идея смерти.

Наканунѣ Иванова дня въ Малороссіи дѣлають изъ соломы чучело Купала, иногда величиной съ ребенка, а иногда въ настоящій ростъ человѣка, надѣвають на него женскую сорочку, плахту, монеты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Тогда же срубають дерево (преимущественно чернокленъ, вербу или тополь), обвѣшивають его лентами и вѣнками и устанавливають на избранномъ для игрища мѣстѣ. Дерево это называютъ Мареною или Купалою, подъ нимъ ставятъ наряженную куклу, а подлѣ нея столъ съ разными закусками и горѣлкою. Затѣмъ зажигаютъ костеръ и начинаютъ прыгать черезъ него парно (молодецъ съ дѣвицею), держа въ рукахъ купальскую куклу; игры и пѣсни продолжаются до разсвѣта. На другой день куклу и Марену приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ украшенія и бросаютъ ту и другую въ воду. При этомъ поютъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло мое водила Купала.

¹⁾ *Аванасея*, I. с. I, стр. 444.

²⁾ Разысканія № II, стр. 92 слѣд.

³⁾ Отмѣтимъ латышскую купальскую пѣсню съ упоминаніемъ матери Іоанна: она въ желѣзныхъ оковахъ, оковы порвались, сломался гвоздь (на которомъ она висѣла), и она повалилась съ трескомъ (см. Bielenstein I. с. стр. 89). Можетъ быть, это мотивы легенды о матери св. Петра, перенесенныя на мать ап. Іоанна, какъ въ сербской пѣснѣ у *Ястребова* (См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* ССXLVII, отд. 2, стр. 397). О латышскихъ купальскихъ обрядахъ см. Вольтеръ, *Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи*, 44 слѣд.

Гратиме сонечко на Ивана!
Та купався Иванъ, та въ воду упавъ.
Купало підъ Ивана.

Либо:

Утонула Мареночка, утонула,
Та на верхъ кисенька зринула;

* * *

Якъ пішла Ганна до броду по воду....
Та стала Ганна на всхитки кладки....
Кладка схитнулася, Ганна втопула ¹⁾.

Иначе дѣлають чучело Марену изъ соломы, крапивы или черно-клена; убирають ее вѣнками листьями и цвѣтами, пляшуть и поють вокругъ нея, а затѣмъ ввергають въ воду или разрываютъ на части. Паробки часто отнимають Купалу или Марену у дѣвушекъ и рвутъ ее, но тѣ быстро дѣлають новую куклу ²⁾.

Замѣтимъ прежде всего смѣшеніе Купалы и Марены въ обрядѣ, Ивана и Ганны въ пѣсняхъ и, вмѣстѣ, ихъ колеблющійся образъ. „Де жъ ты была Купалочка“, поется въ одной малорусской пѣснѣ, (Безсоновъ, стр. 30, 33, 35), въ бѣлорусской, наоборотъ, Купалишъ или Купальникъ—парень, котораго другіе выбираютъ руководителемъ купальскихъ игрищъ ³⁾, тогда какъ *Дзѣкой Купалой* называется дѣвушка, которую обнажаютъ и окутываютъ гирляндами изъ цвѣтовъ; ее ведутъ въ лѣсъ, гдѣ ей завязываютъ глаза, и она раздаетъ вѣнки подругамъ, движущимся вокругъ нея въ хороводѣ: по вѣнку, доставшемуся той или другой, заключаютъ о судьбѣ. Въ сходномъ малорусскомъ обрядѣ дѣвушка зовется Купала или Купайла ⁴⁾; наоборотъ, на Волыни и Подолѣ *Купайло* означаетъ дерево, которое выше носило названіе то Купала, то Марены, тогда какъ въ Харьковской губерніи имя послѣдней перешло къ обозначенію чучела ⁵⁾. То-же смѣшеніе встрѣчается и въ бѣлорусскихъ обрядахъ (по письменному сообщенію г. Романова): въ окрестностяхъ села Понолюбичъ дѣлають Купалу, соломенное чучело, которое надѣвають на шесть, топятъ въ водѣ, потомъ снова надѣвають на шесть и зажигаютъ; поговорка, ходящая въ окрестныхъ де-

¹⁾ *Лаванасеєвъ*, I. с. III, стр. 721; Сл. *Потебня*, О купальскихъ огняхъ, *Археолог. Вѣстникъ*, вып. III.

²⁾ *Чубинскій* I. с. III, 193; *Kolberg* I, 202; *Korczynski*, 176.

³⁾ *Слесотъ*, Ряз. *Вѣстн.* 59.

⁴⁾ *Чуб.* III, 193—196; *Лаван.* III, 723.

⁵⁾ *Лаван.* I. с. 723, 724.

ровнихъ: „Марѣ ты Пополибицкая!“ объясняется обычаемъ Гомельскаго уѣзда, гдѣ Марѣ—чучело изъ соломы, которую сжигаютъ на кострѣ.

Всѣ эти колебанія принадлежать позднѣйшему синкретическому самозабвенію обряда. Можно предположить, что въ воду ввергалась кукла, какое бы названіе она первоначально не носила; „Купався Иванъ, та въ воду упавъ“. Купало, сближенный съ Иваномъ Крестителемъ, упрочилъ представленіе о вверженіи именно въ воду; въ Грацѣ на Ивановъ день носили чучело, насаженное на шесть, которое забрасывали горящими метлами, оно сгорало ¹⁾. у Болгаръ такую куклу или чучелу погребаютъ ²⁾, но и спускаютъ въ воду. „Въ Копривщица на Еньювъ день моютъ правитъ кукла отъ дриини и слама, ... зематъ да я оплакватъ, опѣватъ и възпѣватъ. На мѣсто цѣлитъ кукли, на дѣсчицѣтъ, що се пущатъ по водата, турятъ и само залъци отъ тѣхъ, а отъ куклитъ правитъ и попарѣ, па се гощаватъ и слѣдъ това пѣютъ пѣсенчици, които съ „нарѣчанията“ си не само споменватъ „любовникъ и любовници“, но сж сжщи „мартивски“ припѣвки съ предсказванье на бѣдѣщая съпругъ или съпруга“ ³⁾. Параллелизмъ весеннихъ и лѣтнихъ обрядовъ позволяетъ сблизить съ ивановскими—молдаванскій обычай хоронить (за недѣлю до пятницы передъ Юрьевымъ днемъ) глиняную куклу Троица или Калааяна. ⁴⁾.

Перейдемъ къ другимъ эпонимамъ Купалы: 28-го іюня (иначе: въ Троицынъ и Духовъ день) совершались въ Пензенской и Самарской губерніяхъ похороны Костромы; ее представляла дѣвица, къ ней подходили съ поклонами, клали на доску и купали въ рѣкѣ, при чемъ старшая изъ участвующихъ была въ лукошко, какъ въ барабанъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ (гдѣ обрядъ приуроченъ къ первому Воскресенью послѣ Троицына дня) Кострому представляла соломенная кукла, наряженная въ женское платье и цвѣты, которую клали въ корыто и несли на берегъ рѣки или озера; здѣсь изъ-за нея происходила борьба: одни старались овладѣть куклой, другіе являлись на ея защиту, пока не побѣждали первые; тогда они срывали съ куклы платье и перевязи, а солому топтали и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные предавались горю, закрывали лицо руками, какъ бы оплакивая Кострому. Въ Костромѣ справляли въ Всесвятское заговѣнье похороны

¹⁾ Навиѣ, Ваясел. кал., стр. 190—1.

²⁾ Каравеловъ, Нам. Болг., стр. 234.

³⁾ Матосъ, Периодическо Списание, XLI—II, стр. 993.

⁴⁾ Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1886 г. октябрь, стр. 400.

Ярилы: куклы въ видѣ мужчины со всѣми естественными его частями, которую женщины провожали съ плачемъ и зарывали въ землю ¹⁾). Аналогиченъ обрядъ, называемый въ Саратовской губерніи проводами весны: 30-го іюня дѣлаютъ соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кушачный сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ воду. „Проводы русалокъ“ въ Бѣлоруссіи (русалка — чучело или дѣвушка) на Купала или въ понедѣльникъ послѣ заговѣнья на Петровъ постъ — принадлежать, очевидно, къ тому-же кругу представленій ²⁾). Кострому, Весну ввергаютъ въ воду; если названіе „Кострома“ связано съ созвучными названіями для прута, розги, сорной травы, а кострома означаетъ въ Саратовской губерніи и кучу соломы, сжигаемой подь Новый годъ ³⁾), то мы позволимъ себѣ заключить, что рядомъ съ топленьемъ существовалъ когда-то и обрядъ сожженія Костромы, и болѣе позднему времени принадлежить погребеніе въ могилѣ.

Передъ нами проšli, въ предѣлахъ одного и того же обряда, различные способы погребенія: въ водѣ, на кострѣ, въ землѣ. Тѣло и изображеніе Адониса ввергалось въ воду, а его голова приносилась теченьемъ. Адонисъ (Adon, по-финикійски) значить господинъ; это невольно напоминаетъ Марену (сл. сир. *mar, mari=dominus*) ⁴⁾ и сѣвернаго Бальдра: господинъ, князь ⁵⁾). Я съ умысломъ назвалъ его, потому что въ основѣ его міроваго, эсхатологическаго міеа, какъ онъ отложился въ позднѣйшихъ преданіяхъ сѣвера подь частнымъ вліяніемъ христіанскихъ идей, лежитъ, вѣроятно, годичный міеъ о зимнемъ обмираніи и весеннемъ оживаніи свѣтлаго бога. Въ міеѣ онъ убить однажды, когда то въ началѣ человѣческой исторіи; его тѣло предають сожженію на ладѣ, и его супруга Нанна раздѣляетъ его участь; но онъ вернется въ концѣ дней, и съ нимъ настанетъ царство мира. Этотъ міровой процессъ обобщился изъ обычнаго, совершавшагося въ предѣлахъ одного года, въ сферѣ болѣе скромныхъ аграрныхъ представленій, въ которыхъ Бальдръ или Нанна являлись подь тѣмъ или другимъ именемъ, въ ряду другихъ знакомыхъ намъ купальскихъ паръ.

¹⁾ См. *Аванасевъ*, II. В. III, 126.

²⁾ Сообщение г. Романова.

³⁾ *Аванасевъ*, III, 726.

⁴⁾ Разысканія № II, стр. 77 слѣд.

⁵⁾ Л. с. № XVIII, стр. 40.

И такъ: умираю и погребалось въ купальскихъ обрядахъ одно какое то символическое существо, въ соотвѣтствіи съ Адонисомъ; сопутствующій ему женскій образъ не участвовалъ первоначально въ смерти, онъ принадлежалъ эротической сторонѣ обряда, но долженъ былъ со временемъ, по совмѣстности, отразить вліяніе другой, похоронной. Оттуда смѣшеніе Марены съ Купаломъ въ актѣ сожженія, оттуда въ купальскомъ обрядѣ явленіе русалки—маны, что отвѣчаетъ древнимъ свидѣтельствамъ о русаліяхъ на Ивановъ день ¹⁾; оттуда, быть можетъ, и повѣрье о Гертрудѣ, какъ покровительницѣ или блюстительницѣ усопшихъ ²⁾.

Но вернемся еще разъ къ купальскимъ парамъ: Адонису и Афродитѣ отвѣчаетъ Купало и Марена, Иванъ и Марья бѣлорусскихъ пѣсень и малорусскихъ преданій. О послѣднихъ поется, что это братъ и сестра, полюбившіе другъ друга и спознавшіеся, не вѣдая о своемъ родствѣ; узнавъ о немъ, они обращаются въ сомнительный имъ цвѣтокъ (Иванъ да Марья). Такъ и въ нѣмецкой, не приуроченной къ календарю пѣснѣ, Іоганъ и Маргарита обращаются въ цвѣтки вслѣдствіе безнадежной любви, но братскихъ отношеній между ними нѣтъ; связь съ нашей купальской парой поддерживается обычаемъ сжигать на Ивановъ день двѣ чучелы: Hans и Grell ³⁾. Для русской купальской обрядности эти отношенія существенны, раскрывая въ ней далекія перспективы. Если позволено придать значеніе тому обстоятельству, что въ малорусскихъ пѣсняхъ у Ивана и Марьи одно и то же отчество по Ивану, то мы можемъ поставить вопросъ: не идетъ ли здѣсь дѣло о братѣ и сестрѣ названныхъ; вспомнимъ, что на хорватскомъ побережьи, въ Болгаріи и въ Италіи кумуются, братаются, именно на Ивановъ день, и что такая связь исключала любовь и бракъ. Въ сербской пѣснѣ Петръ болгаринъ готовъ посягнуть на свою посестриму и убить молніей; такъ да покараетъ Господь всякаго, кто милуетъ свою сестру по Богу. Иванъ и Марья были наказаны превращеніемъ въ цвѣтки. У насъ нѣтъ свидѣтельства объ ивановскомъ кумованіи въ русскихъ обрядахъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай между женщинами кумиться и дружить въ Петровъ день, на

¹⁾ Сл. Разысканія. XIV, стр. 272; VII, стр. 204.

²⁾ Сл. выше, стр. 302.

³⁾ Разысканія № II, стр. 99—100. См. ib. 147 слѣд.

лугу, при чемъ онѣ водятъ хороводы, цѣлуются и мѣняются крестами ¹⁾).

Впрочемъ, слѣдуетъ, быть можетъ, придержаться точнаго смысла пѣсни-легенды объ Иванѣ и Марьѣ, какъ родныхъ братѣ и сестрѣ. Пѣсня, поющая объ ихъ превращеніи, предполагаетъ существованіе семьи, запретъ браковъ между близкими родственниками и отрицаніе болѣе древнихъ отношеній общинно-родового брака, когда женщина принадлежала не отцу и семьѣ, а всему роду, принималась въ родъ. Это принятіе было торжественнымъ актомъ, который могъ быть приуроченъ къ извѣстнымъ моментамъ аграрнаго года и урочныхъ родовыхъ собраний; онъ предполагалъ общеніе не только съ наличными родичами, но и съ предками, покоившимися въ могилахъ, когда этотъ обычай погребенія отиѣнилъ другіе. Такъ объясняется въ обиходѣ современной (русской, латышской и т. д.) народной свадьбы роль очага, пребыванія предковъ, которому кланяется неvěста, вступающая въ его союзъ; эротическій элементъ при погребеніи Адописа представляетъ такое же переживаніе, но болѣе древнихъ, общинно-родовыхъ отношеній. То же соединеніе: принятія въ родъ и культа предковъ сохранилось, напримеръ, въ сициліанскомъ кумованіи при символѣ *serpiscu*; въ сербскомъ дружицалѣ во второй понедѣльникъ на Пасхѣ (въ Банатѣ: побушени понедѣльник), когда мужчины и женщины собираются на кладбищахъ, убираютъ могилы свѣжимъ дерномъ, а затѣмъ „дружатся“, мужчины и женщины между собой, цѣлуясь чрезъ вѣтки, становясь затѣмъ на цѣлый годъ, мужчины—побратимами, женщины—дружками. Если я не ошибаюсь, то символика старо-сѣвернаго побратимства должна быть объяснена съ тѣхъ же точекъ зрѣнія: братующіеся поднимали широкую полосу дерна, въ видѣ холма, такъ что крайнія части при окружности не отдѣлялись отъ земли, средняя же подперта была

¹⁾ По сообщенію г. Романова, въ Витебской губерніи на Петровъ день *кумится* дѣвушки, парни на Троицу, или дѣвушки между собою на Троицу, а на Петра съ хлопцами. „Вечеромъ дѣвки собираются у хату, дѣ зимой на супрадакахъ были, и приносятъ съ собой яецъ, сала и муки. Хозяйка пече блины, жаря лешию. Хлопцы приносятъ горѣлку, бутылки три. Которыя дѣвки себѣ играютъ, сами скачутъ, а которыя *бораются* съ хлопцами. Тогда вечерають, а хозяйка подаетъ. Повечеравши изновъ гуляютъ, играютъ, скачутъ и пьютъ“.....Ночуютъ кумующіеся здѣсь же, ложась всѣ въ рядъ на полу, въ перемежку, хлопецъ и дѣвка. Хозяйка наблюдаетъ, чтобы не было „баловства“, хотя оно и случается. Баловство—обширное понятіе, говоритъ г. Романовъ по поводу купальскихъ празднествъ: и поцѣлуй, и объятія, и *борьба*, и „цапанье за дымки“ и, наконецъ, похотныя сношенія. Намъ интересно отмѣтить переживаніе гетеризма въ формахъ кумовства.

копьемъ. Вступивъ подъ этотъ шатеръ, они дѣлали надрѣзъ на ладони или подошвѣ, смѣшивали эту кровь съ землею, и затѣмъ, припавъ на колѣни, призывали боговъ въ свидѣтельство того, что они будутъ другъ за друга мстителами. Этотъ обрядъ назывался *ganga undir jarðarþen*, хожденіе подъ землю, подъ сокровище земли. Я сравниваю этотъ искусственный холмъ съ *serulsgu*, могилой итальянско-сербскаго кумованья или братанья ¹⁾).

VI.

Такимъ образомъ разборъ нѣкоторыхъ моментовъ Ивановской обрядности позволяетъ различить нѣсколько стадій ея праисторическаго и историческаго развитія. Въ началѣ это общинно-родовой праздникъ, знаменовавшійся браками и принятіемъ въ родъ, въ общеніе предковъ. Эротизмъ и похоронный элементъ ведетъ начало изъ этого источника. На этой бытовой основѣ развился натуралистическій мифъ объ умирающемъ богѣ и антропоморфическія пары: Адониса и Афродиты. Купалы или Ивана и сверстнаго ему женскаго образа. Еще позже—пѣсня объ Иванѣ и Марьѣ, отражающая отношенія, когда-то обычныя или выражавшія существенное содержаніе обряда, но теперь отверженныя. Церковь внесла свои воспоминанія, память св. Іоанна, протестуя противъ языческаго гетеризма устами блаженнаго Августина и нашего Памфила. „Повѣсть о дѣвицахъ Смоленскихъ, како игры творили“, разказываетъ, что въ день „въ нюже родися пресвѣтлое солнце великій Іоаннъ Креститель, первый показанію проповѣдникъ „.... „случиса быти ни на коемъ мѣсте на поле велице беснованію бестудну

¹⁾ О сѣверномъ братаньѣ сл. *Vigfusson*, *Corpus poet. boreale* I, 423 слѣд.; *Gudmundsson* въ *thrjar ritgjörðir, sendar og tileinkadar Herra Páli Melsted, af Finni Iónssyni, Valtý Gudmundssyni: og Boga Th. Melsted. Kopenhagen 1892*, стр. 29—55 и отчетъ *Maurer*'а въ *Zs. des Vereins für Volkskunde* III, стр. 103 слѣд. Сл. его—же: *Schwur unter dem Rasen* I. c. III стр. 224—225. „Клятву подъ дерномъ“, встрѣчающуюся, если не ошибаюсь, и въ русскихъ юридическихъ древностяхъ, я также соединяю съ культомъ предковъ. У тушинъ присягающаго ставятъ на колѣни близъ мочилъ предковъ, обращаясь къ душамъ покойниковъ: Усопшіе наши! Приводимъ къ вамъ этого человѣка—на судъ; предоставляемъ вамъ полное право надъ нимъ: отдайте его, кому хотите, въ жертву и услуженіе и дѣлайте съ нимъ, что хотите, если онъ не скажетъ истину. Сл. *Дубровинъ*, *Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ*, т. I, кн. II, стр. 301—302. Что означаетъ въ болгарскомъ обрядѣ та черта, что братующіеся, приблизившись къ очагу, кладутъ на него ноги? (См. выше, стр. 307). Бобчевъ видитъ въ этомъ готовность побратимовъ броситься другъ за друга въ огонь. Мы укажемъ на символъ огня въ разномъ обрядѣ.

множество дѣвъ и женъ стекъшеся на бесовское соборище і негѣно и сквр'но". Господь послалъ великомученика Георгія, увѣщанія котораго не подѣйствовали на играющихъ; тогда онъ проклялъ ихъ, и они окаменѣли ¹⁾. Очевидно, переживаніемъ старыхъ отношеній на почвѣ новыхъ, церковныхъ, представляется обычай справлять свадьбы преимущественно въ Ивановъ (въ Сициліи) ²⁾ или Петровъ день (у турецкихъ сербовъ) ³⁾; въ Ивановскомъ братанѣ и кумовствѣ позволено видѣть такой-же отзвукъ древняго обихода — принятія въ родъ. По отношенію къ побратимству здѣсь совершилась такая же эволюція бытовыхъ формъ, какъ и съ сѣвернымъ *fóstrbroedralag*, только въ другомъ теченіи: *fóstrbroðir*, въ началѣ, пріемышъ, воспитанникъ, молочный братъ; затѣмъ побратимъ въ славянскомъ смыслѣ этого слова, связанный общеніемъ *кроси*, обязанный *клятвой* (*svaagrbroðir*, *eðbroeðr*). Реальный символъ принадлежности къ роду замѣнился абстрактнымъ, какъ въ другихъ случаяхъ церковнымъ — и мы понимаемъ гипотезу, усматривающую продолженіе *fóstrbroedralag* на почвѣ гильдейскихъ союзовъ Даніи и Норвегіи.

И мы снова поставимъ вопросъ, которымъ началась эта замѣтка: церковь приносила-ли лишь матерьялъ своихъ воспоминаній и пріуроченій, или и незнакомыи намъ легенды, уже испытавшія гдѣ-то вліяніе народныхъ, языческихъ представленій? Уже наше сближеніе Марены съ Адонисомъ, *dominus*, шагъ, поставило насъ передъ такимъ вопросомъ, не исключаяющимъ встрѣчныхъ народныхъ пріуроченій и этимологій; къ нему же ведетъ латинская легенда XII вѣка объ Иродіадѣ, влюбленной въ Іоанна Предтечу. Онъ обезглавленъ, это ея мѣсть за отверженную любовь; она хочетъ схватить, обнять голову, но она ускользаетъ отъ нея, пышетъ и несется въ вихрѣ, увлекающимъ и Иродіаду. Мы пытались при другомъ случаѣ объяснить эту легенду ⁴⁾; съ точки зрѣнія церковной воздушныя скитанія Иродіады выразили ея преслѣдованія святаго, ея наказаніе. Но мы невольно припоминаемъ другой аналогическій образъ: сраженнаго Адониса, гѣло, голову котораго ищетъ, скитаясь, неутѣшная въ своемъ горѣ богиня Афродита.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ *Буслаевъ*, О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, Приложение, стр. 2 (изъ Цѣтника).

²⁾ *Pitré*, *Biblioteca*, t. XII, стр. 294.

³⁾ *Ястребовъ*, Обряды и пѣсни турецкихъ сербовъ, стр. 408.

⁴⁾ Разысканія, XVI, стр. 309—310.